

МАРШАЛЫ СТАЛИНА

МИХАИЛ

КАТУКОВ

КАК Я БИЛ ГУДЕРИАНА

Маршалы Сталина

Михаил Катуков

Как я бил Гудериана

«Алисторус»

2015

Катуков М. Е.

Как я бил Гудериана / М. Е. Катуков — «Алисторус»,
2015 — (Маршалы Сталина)

Имя Маршала бронетанковых войск Михаила Катукова сейчас не очень известно. Зато каждый, кто интересовался ходом Берлинской операции, помнит, что такое Зееловские высоты. А ведь именно танки Катукова ломали там оборону противника. А началось все осенью 1941 года, когда вражеские танки рвались к Москве. Но в решающий момент в числе других соединений им преградила путь 4-я танковая бригада под командованием Михаила Ефимовича, автора этой книги. Танкист, который смог встать на пути у самого Гудериана и пройти через все знаменитые битвы Великой Войны до вражеской столицы. Он сам рассказал о себе и о войне.

© Катуков М. Е., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Глава 1. Трудный урок	6
Глава 2. Бригада идет в бой	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Катуков

Как я бил Гудериана

© Катуков М.Е., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Глава 1. Трудный урок

После тяжелых почти двухмесячных боев выдалось пять суток затишья. Пять дней мы приводили себя в порядок: ремонтировали покалеченные орудия и машины, подвозили из тыла боеприпасы, запасались продовольствием, чинили обмундирование и обувь. За эти пять суток удалось отоспаться.

Как всякий поворотный день в жизни, 18 августа 1941 года запомнилось мне со всеми подробностями.

Вот уже несколько дней сильно поредевшие части дивизии удерживали высоты в районе Малина. Дрались мы отчаянно, иногда контратаковали и вот теперь вынудили гитлеровцев перейти даже к обороне.

На смену ливневым дождям в Полесье пришла жара. В бледно-голубом небе – ни облачка. Ветерок гонит волны по безбрежным просторам колосющейся пшеницы. Гнутся ветви яблонь под тяжестью богатого урожая. По утрам сверкает на траве обильная роса, но взойдет солнце и опять сушь, опять небо по-прежнему дышит зноем. И в этом бездонном, высоком небе хорошо видны серебряные крестики самолетов-корректировщиков, слышен их надсадный гул.

Согнувшись, мы пробираемся с подполковником П. В. Перерва по ходу сообщения на наблюдательный пункт. Наверное, кто-то из нас неосторожно высунул голову из-за бруствера – тотчас же тишину пререзала пулеметная очередь, и несколько раз твякнула малокалиберная пушка. Дрогнула земля, и тонкими струйками посыпался песок со стенок хода сообщения. Противник держал наши позиции под неусыпным наблюдением.

Пробравшись наконец на НП и рассматривая передний край обороны противника, мы пытались разгадать его замысел.

Из донесений нашей разведки мы знали, что против нас действуют части 40-й, 42-й и 44-й пехотных дивизий противника. Кроме того, гитлеровское командование перебрасывало в этот район 98-ю и 99-ю пехотные дивизии. Ясно, что пауза, предоставленная нам, нужна была врагу для перегруппировки сил и подтягивания резервов. Нужно ждать удара. Но где и когда он последует? А в том, что фашисты его нанесут в ближайшее время, мы не сомневались.

Отсюда, с высоты, поросшей кустарником, передний край обороны врага просматривался хорошо. Всего каких-нибудь четыреста метров отделяют нас от его окопов. Видны холмики свежей земли, слышен гул моторов, заметно передвижение пехоты.

– Что они затевают? – спрашивает меня Перерва, отрываясь от бинокля. У него загорелое, почти коричневое лицо, на котором выделяются большие серые глаза. Худошавую фигуру туго перехватывают ремни. Плечо оттягивает трофейный автомат.

– Они собираются перерезать шоссе, – ответил я, – чтобы помешать отходу наших частей к Киеву.

– Но это же невероятно! – вырвалось у Перервы. – Немцы – в Киеве! Вы можете себе это представить?

– Не могу. Фрицы гуляют по Крещатику... Черт знает что такое! Но разве мы могли себе представить, что они возьмут Житомир?

Перерва не успел ответить. ««Воздух!»» – подал сигнал тревоги наблюдатель. И мы тут же услышали тяжелый, медленно нарастающий гул моторов.

– Ну вот, – усмехаясь, проговорил Перерва, – «отпуск» кончился. Приступаем к работе...

С запада напоззало несколько звеньев фашистских бомбардировщиков. Они шли на нас. Пригибаясь, мы с Перервой побежали по ходу сообщения. Не успели добраться до КП, как воздух наполнился стрекотней пулеметов – это заработала счетверенная зенитная установка.

«Юнкерсы» неторопливо перестраивались – теперь они образовали цепочку. От передних самолетов отделились тяжелые капли бомб. Над передовыми окопами брызнули комья,

земля содрогнулась. Хотя было раннее утро, но казалось, что наступили сумерки: пыль и гарь заволокли наши позиции. Земля ходила ходуном.

Больше всего меня беспокоили наши батареи, замаскированные на опушке леса. Если лишимся артиллерии, значит, лишимся всего. Я приказал телефонисту соединить меня с подполковником Цикало. Голос того был спокоен.

– Лупят мимо, – доложил он.

Из мотострелкового полка сообщили, что и там налет пока не причинил существенных потерь. Большую часть бомбового груза гитлеровцы сбросили на ложные окопы, отрытые пехотинцами два дня назад.

Немцы бомбили нас с полчаса, а когда грохот бомбежки прекратился, и самолеты противника гуськом потянулись на запад, мы увидели, как внизу, среди дымившихся хлебов, появились танки. За ними черными точками рассыпалась пехота. Танки шли немного левее наших позиций.

– Не иначе как метят в стык нашей дивизии с соседями, – высказал предположение Перерва, отряхивая гимнастерку от пыли.

– Так оно и есть, – согласился я, глядя в бинокль на лесистый взлобок, где оборонялась 45-я стрелковая дивизия генерал-майора Г. И. Шерстюка.

Танки противника открыли бешеный огонь. Взлобок заволокло пылью. Видно было, как передние машины ворвались на позиции стрелковой дивизии и как цепочка наших бойцов, выбравшись из окопов, побежала. Видно было также, что под огнем немецких автоматчиков, эта цепочка редела.

– Почему же молчат их орудия?! – закричал Перерва.

Я не успел ответить: на КП появился запыхавшийся командир, весь в пыли и копоти.

– Я от генерала Шерстюка, – заговорил он, еле переводя дыхание. – Плохо дело, товарищ полковник... Фрицы ворвались на батарею. Перебили всех людей и захватили орудия. Генерал Шерстюк просит помощи.

Не успел я выслушать посланца соседа, как Перерва доложил мне, что гитлеровцы смяли боевое охранение нашей дивизии и ворвались на позиции мотострелкового полка. А самое неприятное в этом сообщении было то, что, потеснив наши части, противник перерезал шоссейную дорогу, идущую от станции Чеповичи через село Владовка на север.

Нужно было принимать срочные меры. Я попросил телефониста связать меня с начальником штаба полковником Н. Д. Чухиным и приказал ему поставить в строй всех – от работников штаба до шоферов. Это был мой последний резерв.

Между тем танки противника, стреляя на ходу, миновали низину и устремились к нашим окопам. Много ли могли против них сделать наши бойцы, вооруженные бутылками с зажигательной смесью да гранатами?

– Смотрите! – вдруг крикнул Перерва, дергая меня за рукав.

В боевых порядках гитлеровских машин взметнулись султанчики разрывов. Один, другой, третий...

– Кто это стреляет? – удивился я, оглядываясь. – Ведь наши пушки у шоссе!

И вдруг слева от нас, в кустарнике, увидел батарею противотанковых орудий. Около нее суеились артиллеристы. Это было похоже на чудо. Откуда взялась эта батарея? Кто так неожиданно поспел нам на выручку?

На поле уже горело несколько машин. Пехота противника залегла: батарейцы дали несколько залпов картечью. Огонь наших случайных спасителей был исключительно меток, и гитлеровцы, оставив на поле боя с полдюжины машин, повернули вспять.

Уже после боя посланный мною командир побеседовал с артиллеристами и выяснил, что выручила нас батарея, пробиравшаяся из окружения. Увидев, насколько положение стало для нас угрожающим, артиллеристы выбрали удобную позицию и вступили в бой.

Но временный успех под станцией Чеповичи не облегчил положения дивизии. Выйдя на шоссе, противник по-прежнему угрожал нашим тылам.

В полдень ко мне на КП прибыл генерал-майор Г. И. Шерстюк, пожилой, морщинистый, бритоголовый человек. На его темном от загара и пыли лице шурились маленькие светлые глаза.

Комдив говорил с сильным украинским акцентом. Несмотря на пережитое, он не утратил ни бодрости, ни чувства юмора.

– От нимцы, бисовы дети! Шуганули меня! – Он снял фуражку, вытер взмокший лоб. – Эх, мама ридна, хоть бы дюжинку танков. Так я бы их...

Я сообщил, что с танками и у меня положение не лучше, хотя и считаюсь командиром танковой дивизии.

Г. И. Шерстюк особенно горевал, что лишился конной тяги. Орудия отбили их еще можно привести в порядок, но лошади... Что делать без лошадей?

Посоветовались мы с Гавриилом Игнатьевичем и решили действовать так. От местных жителей было известно, что немцы засели в селе Владовке силами до полка мотопехоты, перекрыв нам дорогу на север. Выбить их – наша главная задача. В противном случае мы опять окажемся в окружении.

Село полукольцом охватывала дубовая рощица. В ней-то мы и сосредоточили свои скромные силы. После первых же выстрелов в селе начались пожары. Темные клубы дыма потянулись к небу. Мотострелковый полк Перервы и остатки дивизии Шерстюка с трех сторон окружили село и под прикрытием артиллерии и пулеметного огня поднялись в атаку.

Я сел в броневик и двинулся за наступающими частями. Неподалеку от села меня встретил офицер связи. Он доложил, что Владовка взята, и немцы спешно отступили на запад.

Час спустя уже в селе я опять встретил генерала Шерстюка. Он стоял в саду у околицы и гладил приземистого гнедого битюга. Вокруг него толпились бойцы.

– О, добрый конь! – говорил он, поглаживая гриву лошади. – Вот это сила!

Я подошел к генералу. И тот крепко стиснул мне руку. Оказалось, что бойцы нашего мотострелкового полка захватили в селе целый артдивизион на конной тяге. Боеприпасов к немецким орудиям было мало. Так что вряд ли орудия нам могли пригодиться. Но вот лошади... Для Шерстюка и его дивизии они были необходимы в первую очередь. Ему мы их и оставили. А орудия я тут же приказал вывести из строя...

После боя решил умыться, почиститься – словом, привести себя в порядок. Но в это время в хату вбежал адъютант и подал телефонограмму из штаба корпуса. Мне предписывалось сдать командование дивизии подполковнику П. В. Перерве и срочно явиться в штаб корпуса.

С недоумением вертел я листок бумаги. Что бы это могло означать? То ли дивизию собирались перебросить на другой участок, то ли меня ожидало что-то другое? Ознакомил своих товарищей с телефонограммой. Накоротке переговорил с подполковником Перервой, Лишних слов не требовалось: он и сам знал обстановку не хуже меня. Я был уверен, что он справится с должностью командира дивизии, и, как потом показали события, не ошибся в этом офицере.

Проводить меня собрались почти все командиры штаба. Как-никак, а за два месяца непрерывных боев мы привыкли друг к другу, сработались. Нас связывала та молчаливая и прочная дружба, которая рождается только в боевых условиях. На прощание обнялись, расцеловались. Кто знает, придется ли еще свидеться? Начальник медико-санитарной службы дивизии Ефим Абрамович Бурштейн сунул мне на дорогу сверток с сухарями и консервами.

Переваливаясь с боку на бок, «эмка» выехала за околицу. Я оглянулся: товарищи махали мне вслед. К горлу подкатил комок. В глазах водителя Кондратенко я заметил слезы. Да, тяжело прощаться с людьми, с которыми тебя прочно связывают нити фронтовой дружбы.

...В штабе 9-го механизированного корпуса меня принял генерал-майор технических войск А. Г. Маслов, сменивший ушедшего на повышение К. К. Рокоссовского.

– Ну что ж, Катуков, – сказал он, пожимая мне руку, – дрались вы неплохо. Мы представили тебя к ордену боевого Красного Знамени...

Я сказал приличествующие случаю слова, а Маслов между тем продолжал:

– А сейчас собирайся в Москву. Тебя вызывает начальник Главного автобронетанкового управления генерал-лейтенант Федоренко. Насколько я понял, речь идет о новом назначении. Пусть в твоём новом соединении будет побольше современных танков... Желаю успеха!..

Побольше танков! Кто тогда из танкистов не мечтал об этом? Мы тепло простились с командиром корпуса, и я отправился в путь. Предстояло еще заехать в штаб Юго-Западного фронта, чтобы получить открытый лист на заправку машины и проездные документы. Он располагался тогда в небольшом местечке Бровары, севернее Киева, по дороге на Чернигов. Прямую дорогу Житомир – Киев немцы уже успели к тому времени перерезать. Пришлось добираться круглым путем – через Полесье, Чернигов, через дремучие леса. Мы добрались в Бровары на следующий день.

В селе сновали машины, броневики, на каждом шагу часовые требовали документы. Не терпелось получить из первых рук информацию о положении на фронте. К кому пойти? Знакомых тут у меня не было. Время горячее – все заняты по горло. Однако набрался храбрости и зашел в хату, где размещался штаб фронта.

В маленькой, приземистой хатке с цветами на подоконниках и фотографиями в самодельных рамках на стенах меня принял генерал – высокий человек с тонким интеллигентным лицом. Это и был, как выяснилось из дальнейшей беседы, начальник штаба фронта генерал-майор В. И. Тупиков.

Он спросил о положении дивизии, о силах немцев на нашем участке. Чувствовалось, что ему интересно было беседовать с человеком, который только что с передовой, из самого пекла. И получилось, что рассказывать пришлось мне. Правда, через несколько минут в комнату вошел старший лейтенант и передал начальнику штаба какую-то бумагу. Начальник штаба прочитал ее и нахмурился.

– Вот, ознакомьтесь, – он передал бумагу мне. Это был только что переведенный текст приказа командующего 6-й гитлеровской армией фельдмаршала Рейхенау. Смысл его заключался в том, что верховное командование вермахта поставило задачу уничтожить 5-ю армию до того, как ей удастся отойти за Днепр. Для этого гитлеровцы намеревались ударить по нашей армии смежными флангами групп армий «Центр» и «Юг».

– Как видите, – сказал начальник штаба фронта, когда я кончил читать приказ, – гитлеровцы уделяют пятой армии особое внимание. Они собираются разгромить ее флангами двух своих сильнейших группировок. Но нам придется их разочаровать, – добавил генерал-майор В. И. Тупиков усмехаясь. – Мы выведем ее из-под удара.

И действительно, впоследствии 5-я армия, совершив искусный марш-маневр, без существенных потерь вырвалась из полуокружения и отошла в район Чернигова.

– Так вот, – продолжал начальник штаба, сворачивая приказ Рейхенау, – вернемся к нашим делам. Решено вашу дивизию свести в двадцатый мотострелковый полк, а танковые экипажи отправить в тыл – в пункты формирования новых частей.

– Что ж, – согласился я. – Как ни жаль дивизии, а решение правильное. В строю осталась треть личного состава, а вместо положенных трехсот семидесяти пяти танков – ни одного.

Начальник штаба фронта обрисовал мне ситуацию, сложившуюся на участке, занимаемом 5-й армией. Она стойко оборонялась в Коростеньском укрепрайоне, который доставил немало хлопот командованию групп армий «Юг» и «Центр». Находясь между этими группами армий, он создавал для них постоянную угрозу.

Впоследствии, когда усилиями участников боев, историков и мемуаристов удалось восстановить картину героических боев 5-й армии, стало очевидно, что она сыграла важную роль в срыве вражеского замысла по захвату Киева с ходу. В результате многократных контруда-

ров этой армии противник понес большие потери. Командование группы армий «Юг» было вынуждено оттянуть крупные силы с киевского направления, ослабив тем самым главный удар.

Но все это стало известно после войны. А тогда после короткой беседы мы простились с генералом Тупиковым, договорившись при удобном случае встретиться в Москве. Конечно, мне и в голову не приходило, что я вижусь с этим обаятельным человеком в последний раз.

К сожалению, 5-я армия разделила трагическую судьбу Юго-Западного фронта. Как известно, командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос и начальник штаба фронта генерал-майор В. И. Тупиков погибли. Тяжело раненный, член Военного совета дивизионный комиссар Е. П. Рыков попал в плен. Подвергнув пыткам и не добившись от него ничего, гитлеровцы расстреляли Е. П. Рыкова. Что касается командующего 5-й армией М. И. Потапова, то он тоже испытал все ужасы фашистского плена. Но командарм с честью вышел из этого испытания. Уже после войны он работал заместителем командующего войсками Одесского военного округа.

И чтобы закончить далеко не полное повествование о тех, с кем мне пришлось встретиться и воевать в августе сорок первого, хочу сказать несколько слов о подполковнике П. В. Перерве. Вместе с остатками бывшей 20-й танковой, а затем 20-го мотострелкового полка ему удалось вырваться из окружения и выйти к своим. Об этом я узнал весной сорок пятого. Уже будучи командармом 1-я гвардейской танковой армии, я встретил в Саксонии, в Дрездене, генерала, лицо которого показалось мне знакомым. Это был П. В. Перерва. Мы обнялись. Из рассказа моего бывшего боевого товарища я узнал о дальнейшей судьбе воинов 20-й танковой дивизии.

Но это было в сорок пятом. А тогда, жарким августовским днем сорок первого, после беседы с начальником штаба фронта я зашел в управление кадров Юго-Западного фронта, оформил документы, открытый лист на заправку машины и, сев в свою пропыленную «эмку», поспешил в Москву. Мысли невольно возвращались к боевым товарищам, оставшимся на высотах у Житомирского шоссе. Препраждая путь врагу к Киеву, они остались, как указывалось в приказе, «вплоть до смены другими частями». Как они там? Выстоят ли?

Мой путь лежал через Конотоп, Глухов, Севск, Дмитровск, Орел, Тулу. Мог ли я тогда предположить, что пять недель спустя по этим же местам пойдут и танковые колонны Гудериана, которые мы сильно потреплем у Орла и Мценска?

... Так закончился первый период моей военной биографии. А начался он, как и для большинства людей моего поколения, двадцать второго июня.

Война застала меня в Киевском окружном военном госпитале. Она ворвалась в тихую палату грохотом взрывов и звоном разбитого стекла. Только к полудню мы, пациенты, узнали, что бомбежка украинской столицы немецкими бомбардировщиками – не просто провокация, как думали тогда многие, а начало настоящей войны.

Хотя шов после операции еще как следует не зарубцевался, а температура часто держалась на отметке «тридцать восемь», мне все же удалось уговорить лечащего врача выписать меня из госпиталя.

На попутной машине добрался до городка, в окрестностях которого тогда дислоцировалась 20-я танковая дивизия, входившая в состав 9-го механизированного корпуса К. К. Рокоссовского. Ехал со шемющей тревогой на душе. Уж я-то хорошо знал, что дивизия еще находится в стадии формирования и не готова к серьезным боям. По штату нам полагались танки последнего выпуска Т-34 и КВ. Их обещали поставить в июле сорок первого. А пока весь наш парк состоял из 33 учебных подержанных и побитых БТ-2, БТ-5. Другие части дивизии тоже были недоукомплектованы.

В артиллерийском полку имелись только гаубицы. Мотострелковый полк вообще еще не получил артиллерию, а понтонный батальон – понтонный парк. Батальон связи располагал

лишь учебной аппаратурой. Словом, дивизия еще была далеко не укомплектована людьми и техникой.

Когда вечером 23-го я добрался наконец до городка, гитлеровцы непрерывно бомбили железнодорожную станцию. Длинные языки пламени обвивали станционное здание, и клочья черного дыма тянулись в высокое вечернее небо. В воздухе висела пыль и гарь. На повозках, тархтевших по мостовым, на автомобилях везли раненых и убитых, война уже открыла свой кровавый счет.

В штабе дивизии выяснил, что два танковых полка под командованием моего заместителя полковника В. М. Черняева уже выступили по направлению к Лупку. После неоднократных попыток мне удалось связаться по телефону с К. К. Рокоссовским. Я доложил о прибытии и просил уточнить обстановку. Голос комкора был ровен и спокоен. Впоследствии мне пришлось воевать с Константином Константиновичем не один месяц, приходилось бывать и сложнейших ситуациях, и всегда я не переставал удивляться исключительной выдержке этого человека, его безукоризненной вежливости со всеми – от рядового солдата до маршала.

К сожалению, комкор располагал пока скудными сведениями. Мне удалось выяснить, что корпус подчинен 5-й армии генерал-майора танковых войск М. И. Потапова. Вместе с другими подвижными соединениями Юго-Западного фронта механизированный корпус получил приказ нанести удар во фланг прорвавшейся группировке противника. Но каковы силы этой группировки, каков замысел ее командования – этого Рокоссовский сообщить пока не мог.

Необходимо было срочно перебросить к Луцку, отстоявшему от городка на 200 километров, и другие части дивизии. Эвакуировать семьи комсостава.

Мы собрали все имеющиеся машины и начали марш. К сожалению, было их немного, поэтому пришлось перебрасывать войска перекатом. Автомобилисты выбрасывали две-три роты километров на тридцать вперед, а дальше эти роты двигались в пешем строю. Грузовики же торопились назад, чтобы подтянуть другие подразделения.

Так перекат за перекатом двигались мы навстречу противнику.

Первый бой произошел 24 июня у местечка Клевань. Разведка сообщила, что по соседству расположились на отдых моторизованные части 13-й танковой дивизии противника. После изнурительного марша солдаты валились с ног от усталости, но времени на отдых не было. Дивизия получила приказ атаковать врага.

Основной огневой силой нашего соединения был артиллерийский полк (24 орудия). Он состоял из двух дивизионов: один – из 152-миллиметровых, другой – из 122-миллиметровых гаубиц. Командовал полком майор С. И. Юрьев. Поставив орудия на прямую наводку, артиллеристы расстреливали танки и пехоту противника. Отважно сражались в этом первом бою мотострелковый полк подполковника П. В. Перервы и наш понтонный батальон, превращенный в стрелковый. По несколько раз в этот день поднимались в атаку и переходили в рукопашную герои-пехотинцы.

Но в этом первом неравном бою мы потеряли все 33 наши учебные «бэтушки». Наши БТ не представляли собой грозной силы, к тому же использовали мы их неправильно. С такими быстроходными, но слабобронированными и легковооруженными машинами нельзя было ввязываться в открытый бой. Но горький урок не прошел даром: и не только потому, что за каждый наш танк немцам пришлось заплатить по несколько танков, – опыт боев на Украине, и в частности именно этот бой под Клеванью, впервые заставил меня задуматься над вопросом широкого использования тактики танковых засад. Эта тактика впоследствии в боях под Орлом помогла нам с малыми силами нанести серьезный урон 24-му танковому корпусу Гудериана.

Под Клеванью понесли мы первые потери. Погиб в этом бою командир 40-го танкового полка майор Л. Г. Третьяков. Он сгорел в танке, возглавляя атаку полка. Меня связывали с ним годы совместной службы. Военная судьба разлучала неоднократно, пока снова не свела в 20-й танковой.

Рослый, широкоплечий, с красивым открытым лицом, Третьяков любил военную службу. Для него она была призванием. Не помню его праздным, скучающим. Энергия в нем была через край. Он всегда был в заботах и хлопотах.

Первая победа под Клеванью обошлась нам дорого. Но она ободрила нас, укрепила уверенность в своих силах. Мы захватили богатые трофеи: много автоматов, винтовок, пулеметов, боеприпасов и пистолетов «парабеллум». Были захвачены первые пленные.

Из допроса пленных и захваченных документов мы выяснили, что 13-я танковая дивизия противника переброшена на советско-германский фронт из Франции. Об этом свидетельствовали и найденные у фашистов французские духи, вино, шоколад, открытки с видами Парижа.

Обойдя сожженные и подбитые танки врага, я увидел, что они сделаны не только в Германии. Кроме немецких Т-II, Т-III, Т-IV здесь были и чехословацкие машины завода «Шкода», и французские – «Шнейдер-Крез», «Рено», и даже захваченные в Польше танкетки английских заводов «Карден-Лойд». Я воочию убедился, что на Гитлера работала вся промышленно развитая Европа. Не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы прийти к выводу: борьба с вторгнувшимся на нашу территорию противником будет ожесточенной, и наш успех под Клеванью пока временный.

И действительно, в течение трех следующих дней – 26–28 июня – наша дивизия, как, впрочем и вся 5-я армия, вела тяжелейшие бои в районе Дубно, сдерживая ожесточенный натиск частей 3-го моторизованного корпуса противника. Враг непрерывно бросал в бой крупные танковые и авиационные силы. Но соединения 5-й армии – 9-й, 22-й и 19-й механизированные корпуса – не только отразили все атаки врага, но и по приказу командующего фронтом 29 июня нанесли контрудары с рубежа Луцк-Гоща в общем направлении на Дубно. В результате этого удара 5-я армия осуществила глубокий прорыв на юг, на несколько дней задержав наступление противника. Это обстоятельство зафиксировал в своем дневнике Гальдер: «1 июля западнее Ровно последовало довольно глубокое вклинение русских пехотных соединений из района Пинских болот во фланг 1-й танковой группы».

Но, к сожалению, все это были временные успехи.

6-я полевая немецкая армия, та самая, что впоследствии была окружена и разгромлена под Сталинградом, совместно с 1-й танковой группой Клейста продолжала наносить удары южнее нас, в стык наших 6-й и 5-й армий. Гитлеровцы ввели в прорыв моторизованные части и устремились к Житомиру. Нам ничего не оставалось, как отойти. Мы отступали дорогами Южного Полесья с тяжелыми боями, но организованно, нередко сами переходили в контратаки.

Сверху требовали: «Ни шагу назад!». Но этот казавшийся на первый взгляд волевым приказ диктовался часто полнейшей неосведомленностью о реальном положении дел.

Тяжелое положение сложилось для 20-й танковой дивизии в районе бывшей немецкой колонии Гринталь. Мало того, что мы потеряли связь со штабом корпуса и отступали под непрерывным воздействием танковых колонн противника. Неожиданно мы услышали грохот канонады у себя в тылу. Выяснилось, что соседняя 35-я дивизия, тоже танковая, отошла, не успев предупредить нас, и наши фланги остались открытыми. Мы оказались почти в окружении. Для отхода в тыл оставался коридор шириной каких-нибудь несколько сотен метров. Так и не связавшись с корпусом, на свой страх и риск я принял решение отступать. Не мог же я допустить, чтобы дивизия стала легкой добычей противника.

Коридор, по которому мы отходили, уже простреливался вражеской батареей, а у нас не было огневых средств, чтобы подавить пушки противника. Оставшаяся у нас артиллерия сдерживала своим огнем наседавшие с фронта танки гитлеровцев. К счастью, к нам присоединились сильно потрепанный в боях танк Т-26, экипаж которого выходил из окружения, да еще счетверенная зенитная установка. Появился, вернувшись из очередного рейда, и наш разведчик В. С. Катушев на своем броневишке.

Этот человек словно в рубашке родился. Работа у него была горячей. Бывало, отступим на новые позиции, и Катушев отправляется по моему приказу устанавливать связь с соседями. Ситуация в те дни, как известно, менялась ежечасно. Приезжает он в село, где, по нашим сведениям, должны быть советские части, а там уже передовой отряд противника.

Из стычек с фашистами Катушев не только выходил победителем, но и трофеи привозил. Его тяжелый броневик с башней от танка БТ, 45-миллиметровой пушкой и пулеметом был словно заговорен. Ни один фашистский снаряд не мог его подбить. Правда, однажды болванка угодила в капот, прошла броню, пролетела между водителем и сидевшим рядом Катушевым и с шипением ударила в снарядницу. Казалось, катастрофа неминуема. Но Катушев метнулся к снаряднице и выбросил снаряды в открытый люк.

Впоследствии мне не раз приходилось встречать таких счастливицков. Каким-то образом им удавалось выходить из труднейших ситуаций. Катушев принадлежал к их числу. О его ловкости и везучести в дивизии ходило немало разговоров.

Понятно, как обрадовались мы в эту тяжелую минуту его появлению. Подкрепления невелики, но они помогли нам подавить батарею противника и благополучно выйти из окружения. Позже мои действия были одобрены командованием корпуса, хотя, по правде говоря, я ожидал за отход нагоняй.

Сложная обстановка тех трудных дней научила нас военной хитрости. Каждый день начальник артиллерии дивизии подполковник К. И. Цикадо намечал план действий «кочующих» орудий. Батареи дивизионов меняли позиции днем и ночью. У немцев создавалось впечатление, что они имеют дело с крупными артиллерийскими силами. К тому же непрерывная смена позиций позволяла нам уберечь орудия от обстрела и бомбежек.

Прослышали мы, что гитлеровцы боятся наших танков Т-34 и КВ. Но где их взять? Не помню уж, у кого в дивизии родилась мысль сделать макеты тридцатьчетверок. Обшили мы несколько транспортных машин фанерой, приделали деревянные пушки, покрасили в защитный цвет. Складывают такие пугала, замаскированные, в кустарнике или на опушке леса, а рядом ведут огонь настоящие пушки. На пехоту противника это производило впечатление, и на этих участках она не лезла напролом...

Даже теперь, спустя тридцать с лишним лет, я не могу не поражаться тому мужеству, той боевой активности, которые ежедневно, ежечасно проявляли воины 20-й танковой в то трудное для нас время. В лесах и болотах Полесья мы прошли настоящую боевую школу. Несмотря на огромное превосходство врага на земле и в воздухе, нам удалось сохранить воинскую дисциплину. Не припомню в дивизии случая паники. Отходя с боями в составе девятого мехкорпуса, дивизия выполнила главную задачу – вместе с другими частями и соединениями она сдержала продвижение фашистских войск и помешала им осуществить молниеносный выход к Днепру.

* * *

В Главном автобронетанковом управлении меня немедленно принял генерал-лейтенант танковых войск Яков Николаевич Федоренко. Мы были знакомы по совместной службе в Киевском военном округе, а еще раньше по той же Шепетовке, где Федоренко командовал бригадой тяжелых танков.

Яков Николаевич пришел в бронетанковые войска с флота. Во время гражданской войны довелось ему воевать на бронепоезде, что в конечном счете и определило его судьбу. Он стал танкистом. Перед войной Федоренко немало сделал для укрепления боеспособности наших танковых и механизированных войск. Этому делу он отдавал все свои силы.

Но для меня он был еще и товарищем, всегда отзывчивым и приветливым. Бывало, по какому делу ни зайдешь к нему, он тут же усадит тебя, подробно расспросит обо всем и непре-

менно напоит чаем. Большой медный чайник был неизменным его спутником. Всегда в нем дымился кипяток.

Будучи загружен огромной работой и занимая ответственный пост, Федоренко оставался в душе простым, жизнерадостным украинским парубком. В запасе у него была бездна забавных историй, баек, анекдотов, которые он рассказывал с великолепным украинским юмором.

Но в этот раз, войдя в его кабинет, я не мог не обратить внимания на то, что Яков Николаевич за последнее время постарел и осунулся. Мешки под глазами, красные прожилки на белках, серый цвет лица. Видимо, сказалось нервное напряжение последних месяцев. Но, несмотря на тяжелые известия, поступающие с фронта, и загруженность, Яков Николаевич не утратил ни своей приветливости, ни сердечности.

– Вот что, Катуков, – сказал он, едва мы успели обменяться рукопожатиями, – принимай четвертую танковую бригаду.

– Бригаду? – удивился я.

– Да, бригаду. Механизированные корпуса и танковые дивизии расформируются, поскольку многие заводы эвакуируются на восток и выпуск машин временно сократится. Машин для крупных соединений не хватает, поэтому решено срочно создать соединения меньших масштабов – бригады.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что бригады, которой мне предстояло командовать как таковой еще не существует, что она находится пока в процессе формирования.

– Выезжай под Сталинград, – заключил нашу беседу Я. Н. Федоренко. – Готовь соединение к тяжелым боям.

Вряд ли стоит доказывать, что новое назначение – всегда большое событие. Ехал я в Москву и думал: как сложится дальнейшая судьба, где будет мое место в той огромной, поистине всенародной битве, которая разворачивалась от берегов Белого моря до побережья Черного? И вот конец неизвестности. Впереди – ясная, четкая цель. Если назначили командиром нового формирующегося соединения, значит, предстоит – и в самое ближайшее время – трудная боевая работа. От тебя, во многом только от тебя зависит то, как будет она выполнена.

Сотни километров отделяли Сталинград в августе сорок первого от фронта. В то время город был еще глубоким тылом. Добираться решил на машине – способ наиболее надежный, особенно если за рулем такой человек как Кондратенко. До войны он возил директора одной донбасской шахты, а после мобилизации прикатил к нам в дивизию на директорской «эмке». Не знал я тогда, что с этим человеком меня накрепко свяжет фронтовая судьба. Был Кондратенко ловок, находчив, смел. Во время отступления не раз выручал он меня из тяжелых положений. Я уже рассказывал, как мы вырывались из окружения под Гринталем. Так сложились обстоятельства, что мы с начальником штаба выходили с последней группой, когда гитлеровские автоматчики буквально наседали нам на пятки. Вокруг рвутся снаряды, автоматчики простреливают дорогу, отрезая нам путь. И вдруг смотрю – метрах в двухстах от проселочной дороги нас ждет в кустарнике Кондратенко со своей «эмкой». Она вся изрешечена осколками, но ходовая часть в порядке. Нырнули мы в машину, шофер дал газ – и благополучно выскочили из-под обстрела.

И вот теперь, запасшись продовольствием, мы с Кондратенко пылим по Рязанскому шоссе. Не терпится добраться до места назначения поскорее и поэтому едем без остановок. Глубокой ночью прибыли в Борисоглебск.

Город в глубокой, непроглядной тьме – действует суровый закон светомаскировки. Кондратенко приходится буквально пробираться на ощупь. Надо бы передохнуть после утомительной дороги, но кругом ни души. Тишину нарушает только рокот мотора «эмки» да лай встревоженных нашим вторжением собак. И вдруг видим: на одном из перекрестков в угловом доме из-под неплотно задернутой шторы пробивается свет. Я вышел из машины и постучал. Дверь

открыл высокий молодой человек в военной форме. Я предъявил документы, рассказал, кто такой и куда еду.

– Можете ночевать у меня, – предложил молодой человек. – Квартира у меня большая. Дома никого нет. Да и машину есть где поставить. Работаю я в городском отделе НКВД. Фамилия моя Синицын.

Из разговора выяснилось, что наш хозяин – родной брат Ивана Васильевича Синицына, помощника командира роты 235-го Невельского стрелкового полка, того самого, в котором в 1922 году, по окончании 23-х Могилевских курсов комсостава, я был назначен на первую командирскую должность.

В ту борисоглебскую ночь просидели мы с Михаилом Васильевичем Синицыным до третьих петухов. С большой теплотой вспоминал я его брата, а также своего ротного Александра Михайловича Серебрякова – моих первых наставников, учивших меня, молодого взводного, наверное, самому сложному из всех искусств – искусству работать с людьми.

В ту ночь я узнал, что брат его умер, а вдова живет в Сталинграде, куда мы и направлялись. Поэтому по прибытии в город остановились у нее.

Сталинград еще жил мирной жизнью. Разумеется, тогда никому и в голову не приходило, что всего через год он станет ареной жесточайшего сражения, и что именно здесь, на берегах великой русской реки, армия гитлеровской Германии столкнется с поразительным мужеством советского народа и получит такой удар, от которого уже не сможет оправиться.

Но в тот сентябрьский день сорок первого над Сталинградом было мирное, хотя и жаркое, мутное от зноя небо. Деревья в скверах бросали прохладную тень. С Волги доносились гудки пароходов. Война напоминала о себе бумажными крестами на окнах да присутствием госпиталей – изредка встречались раненые.

В обкоме партии нас познакомили со строителями танков и сообщили адрес формирования бригад.

8 сентября мы наконец добрались до цели. Приехали поздно ночью, когда кроме наряда все спали. Тишина стояла удивительная. Кругом простиралась бескрайняя степь. Решили до утра никого не беспокоить. Спать легли прямо на траве, у машины. Поднялись, когда взошло солнце, и горнист сыграл «Подъем», и пошли знакомиться с людьми.

Народ у нас подобрался хороший, много коммунистов и комсомольцев. И очень ценно то, что обстрелянный: бригада формировалась из экипажей 15-й танковой дивизии, судьба которой схожа с нашей, 20-й. Так же как и наша, она имела на вооружении мало танков, но оказала немцам упорное сопротивление и приобрела ценный опыт боев.

До моего приезда обязанности командира бригады исполнял заместитель по строевой части полковник Рябов, энергичный, знающий офицер. Начальником штаба был назначен подполковник П. В. Кульвинский, комиссаром – полковой комиссар М. Ф. Бойко, начальником политотдела – старший батальонный комиссар И. Г. Деревянкин, опытный политработник, бывший до войны инструктором Горьковского обкома партии. Очень повезло мне с помощником по технической части капитаном П. Г. Дынером. До войны он работал на одном из киевских заводов инженером и впоследствии благодаря усилиям возглавляемой им службы подбитые танки быстро становились в строй.

Всю войну прослужил со мной начальником оперативного отдела бригады, затем корпуса и армии капитан М. Т. Никитин, ныне генерал-полковник. Никитин всегда прекрасно разбирался в обстановке и в совершенстве владел искусством штабной работы. Не удивительно, что он вырос в крупного военачальника.

Познакомившись с командирами бригады, дня через два после прибытия я приказал собрать весь личный состав бригады неподалеку от лагеря, прямо в степи. Ни трибун, ни скамеек, конечно, не было. Скрестив по-восточному ноги, люди расселись прямо на траве. Загорелые, в большинстве молодые лица. Взгляды устремлены на меня. Оценивающие, любопытные.

Я знаю: пройдет совсем немного времени и все мы встретимся лицом к лицу с врагом; знаю также, что передо мной не новички, а люди, уже прошедшие через горнило военных испытаний.

Я представился танкистам. Рассказал, как сложилась моя судьба в Красной Армии, где и как воевал в первые дни войны. Конечно, к тому времени я еще не мог похвастаться большим боевым опытом, но и тот, которым располагал, уже позволял мне говорить об излюбленных тактических приемах врага, о том, как лучше организовать противодействие наступающим танковым силам противника. Я считал своим долгом подготовить личный состав к тому, что в ближайшее время нам придется воевать с превосходящими силами противника, и поэтому от нас потребуется максимум изобретательности, выучки – словом, максимум военного мастерства.

В тот сентябрьский день я еще не знал, что военные пути-дороги сроднят меня с командирами и политработниками бригады и что многие из тех, с кем я познакомился 8 сентября 1941 года, станут прославленными героями. А с некоторыми из них мне доведется дойти по трудным фронтовым дорогам до Берлина.

Незадолго до меня в лагерь прибыла специальная комиссия из Москвы, в задачу которой входило отобрать наиболее опытных и проверенных механиков-водителей, башенных стрелков, радистов, командиров и политработников. Товарищи из Москвы оказали нам большую помощь. В течение двух недель перед членами комиссии проходили бойцы и командиры бывшей 15-й танковой. С волнением вступали они в просторную, светлую комнату, отвечали на вопросы комиссии, а затем с нетерпением ожидали ее решения.

Мы получили огромное количество патриотических заявлений, в которых танкисты клялись сражаться за Родину до последнего дыхания на любом порученном им посту.

Так, впоследствии прославленный танкист П. А. Заскалько в 15-й танковой командовал батальоном. Не помню, из каких соображений комиссия предложила ему должность командира роты.

– Да хоть командиром танка, – заявил он. – Лишь бы на фронт.

Вскоре бригада стала получать материальную часть со Сталинградского Тракторного завода. Первый батальон получил тридцатьчетверки. Мощная броня, легкость управления, подвижность и маневренность – вот что привлекало в этом танке. Эта машина во всех отношениях превосходила немецкие Т-II, Т-III, Т-IV, которые имели на вооружении соответственно 20, 37, 50 и 75-миллиметровые пушки и по своим боевым качествам значительно уступали новым советским машинам. Однако в первые дни войны наша промышленность не имела возможности в достаточном количестве оснастить армию этими великолепными машинами.

Поскольку времени на подготовку и овладение новой материальной частью нам было отпущено мало, помощники командиров подразделений по технической части, механики-водители и солдаты роты технического обеспечения вместе с рабочими участвовали в сборке деталей и агрегатов, изучая машины прямо в цехах.

Нелегко приходилось рабочим Сталинградского Тракторного. На заводе уже тогда были трудности с питанием. Но, не считаясь ни со временем, ни со здоровьем, люди неделями не выходили из цехов. Страна была в опасности. Фронту нужны были машины, и люди трудились самозабвенно.

Такую же самоотверженность проявляли и танкисты. Шла подготовка к решительным боям. И танкисты учились по четырнадцать-шестнадцать часов в сутки.

Совместно с начальником штаба Павлом Васильевичем Кульвинским, комиссаром Михаилом Федоровичем Бойко мы учили экипажи, взводы, роты и батальоны действовать в различных видах боя. Мы стремились ставить людей в наиболее сложные, приближенные к боевой обстановке условия.

Уже после боя под Клеванью, видя преимущество врага в танках и авиации, я стал задумываться над тем, как с максимальной эффективностью применять танковые засады в обороне. Постепенно сложилась такая схема. Мотострелки располагаются в обороне, предварительно отрыв настоящие окопы и ложные. В ложных ставятся макеты душек и пулеметов. Часть этих окопов занимают небольшие группы бойцов с настоящими пулеметами. На их долю выпадает роль «актеров», инсценирующих передний край. Сзади, на небольшом расстоянии, идут настоящие окопы, а дальше, на танкоопасных направлениях, ставятся танки – иногда взвод, иногда просто одна машина. Для маскировки танки используют местные укрытия: кустарники, деревья, скирды хлеба, стога сена, обратные скаты высот. Каждый экипаж готовит себе не одну позицию, а две-три, которые можно менять незаметно для противника. Экипажи заранее определяют ориентиры и расстояния до них. С пехотой, артиллерией, саперами заблаговременно организуется взаимодействие и устанавливается связь или по радио, или специальными сигналами, или посыльными. Все танковые экипажи должны находиться в поле зрения друг друга, готовые прийти на помощь соседу.

Противник начинает вести наземную и воздушную разведку. Засады не обнаруживают себя. Противник боем прощупывает передний край. В действие вступают «актеры» в ложных позициях, артиллерия и минометы с запасных позиций. Танки молчат.

Авиация врага начинает бомбить ложные окопы. «Актеры» незаметно отступают ходами сообщения. И наконец, противник пускает танки в сопровождении пехоты. Наступают самые критические минуты боя.

Стрелки, артиллеристы, минометчики расстреливают пехоту противника. Засады молчат. И только тогда, когда вражеские машины подходят на 200–300 метров, засады выходят на огневую позицию и открывают огонь по атакующим в упор, наверняка. В то же время экипажи засад не выпускают из поля зрения соседей и бьют в борта прорвавшихся танков противника. Получается косоприветный, перекрестный, губительный огонь.

Командир засады выходит на огневую позицию только в случае крайней необходимости. Откуда-нибудь из окопчика или из-за кустарника следит он за полем боя, намечает цели, определяет прицел и лишь после этого садится в танк, и машина выскакивает, чтобы открыть огонь. Прицел поставлен, пушка приблизительно наведена на цель. Сделав три-четыре выстрела, танк задним ходом отползает в укрытие. Долго стоять на позиции нельзя: экипаж станет жертвой прицельного огня.

Из укрытия командиры снова ведут наблюдение и снова выскакивают на позицию, но теперь уже на другую. Так повторяется несколько раз.

Бой – это целый комплекс сложных проблем, часто настолько связанных друг с другом, что порой трудно разобраться, где причина, а где следствие. Наверняка лишь можно сказать, что успех всегда зависит от правильного решения многих, зачастую косвенных вопросов. Далеко не всегда победа достается стороне, обладающей превосходством в силах. Но почти всегда – стороне, превосходящей в организации боевых действий. Нас, например, волновал вопрос эвакуации танков с поля боя. Вопрос жизненно важный в то время, когда каждая боевая машина была на счету.

По довоенной инструкции вытаскивать с поля боя покалеченные машины должны были сильные тягачи. Но где их взять? Тягачей нам не дали. Пришлось, как говорится, по ходу дела вносить в инструкцию поправки. Мы испробовали в качестве тягачей тридцатьчетверки, КВ, и они справились с этой задачей.

Та же инструкция запрещала десантировать на тридцатьчетверках и других машинах пехоту. Разумеется, эта инструкция была написана для своего времени, с учетом возможностей техники тех дней. Но уже по опыту боев на Украине я пришел к выводу, что успех боевых действий непосредственно зависит от взаимодействия родов войск, в том числе танков с пехотой. В лагере мы убедились, что тридцатьчетверки, а тем более КВ без каких-либо осложнений

несли на броне пехотный десант. Прекрасные сталинградские машины выдерживали дополнительные нагрузки без поломок и аварий.

Незадолго перед отправкой на фронт мы получили новые автомашины, еще не прошедшие обкатку. Каждый грузовик должен был пропылить по степным дорогам вхолостую до тысячи километров.

– Обидно гонять порожняком, – сказал мне П. Г. Дынер, – тем более что окрестным колхозам транспорт нужен до зарезу.

Действительно, в селах наступили страдные дни. На токах молотили хлеб, а вывозить его было не на чем.

Эти мысли я впоследствии изложил в брошюрах «Танковые бои» и «Боевые действия танков», оперативно выпущенных Воениздатом в 1942 году.

Подобрали водителей – в них у нас недостатка не было, – снарядили автоколонну и перебросили хлеб с полей в закрома.

23 сентября бригада погрузилась на платформы. Провожали нас по-праздничному. Колхозники завалили подарками: белым хлебом, арбузами, дынями. Желали возвратиться с победой.

Запомнилось мне выступление на прощальном митинге старого партизана Матросова. Два его сына, Михаил и Александр, отправлялись на фронт в рядах бригады.

– Если надо будет умереть, – говорил он, обращаясь к сыновьям и ко всем воинам бригады, – умрите, но не дайте проклятым фашистам увидеть Москву!

Поезд пошел на северо-запад, к Москве. Скорее всего, сражаться нам придется на подмосковных рубежах. В пути следования несколько раз налетали гитлеровские бомбардировщики. Но дежурившие у зениток артиллеристы встречали их дружным огнем. Сброшенные стервятниками бомбы вреда нам не причинили.

Через пять суток бригада выгрузилась западнее Москвы, на станции Кубинка. Штаб расположился у деревни Акулово. Здесь мне передали 3-й батальон, оснащенный танками БТ. Не успел я познакомиться с его командиром Кожановым, как батальон этот у меня отобрали, перебросили его, видимо, в какую-то горящую точку. Неприятно было сознавать, что бригада ослабела на одну треть. Но что делать – приказ есть приказ.

Глава 2. Бригада идет в бой

Теперь, по прошествии тридцати с лишним лет особенно четко представляешь себе замысел гитлеровского командования на четвертом месяце войны. Командование вермахта планировало главный удар нанести на московском направлении группой армий «Центр» (9, 4 и 2-я полевые армии, 2, 3 и 4-я танковые группы). Немецкие дивизии должны были, прорвав оборону советских частей на брянском и вяземском направлениях, окружить и уничтожить войска Западного и Брянского фронтов, охватить Москву с севера и юга, отрезать ее от восточных баз снабжения и таким образом вынудить советские войска сдать столицу.

Для этой цели Гитлер к концу сентября значительно усилил группу «Центр», доведя ее до 77 дивизий, в их числе было 14 танковых и 8 моторизованных. Примерно 1700 танков сосредоточилось в трех мощных компактных группировках на направлениях главных ударов. На некоторых участках фронта противнику удалось достичь восьмикратного превосходства в танках.

Нашей бригаде впоследствии пришлось воевать против частей 2-й танковой группы генерала Гудериана. Она должна была нанести главный удар в направлении Орел – Тула – Серпухов. Танковая группа генерала Гудериана имела в своем составе около 600 бронированных машин.

После войны мне пришлось прочитать немало мемуаров, всевозможных трудов по истории второй мировой войны. Многие западные авторы приписывают генералу Гудериану теорию массированного применения танков. Правда же заключается в том, что еще задолго до Гудериана эту теорию выдвинули и обосновали М. Н. Тухачевский, В. К. Триандафиллов, К. Б. Калиновский. «Отец танковых войск», как называют Гудериана на Западе, всего лишь тщательно изучил и обобщил наш опыт.

У каждого события своя предыстория. Если говорить о боях под Орлом и Мценском в первой декаде октября, то, вероятно, надо начать с совещания под Смоленском, в группе армий «Центр». На этом совещании, состоявшемся 24 сентября, присутствовали не только командование группы армий и танковых групп, но и главнокомандующий сухопутными войсками вермахта, а также начальник генерального штаба. Гитлеровцы планировали нанести удар южнее Москвы из района Глухова на Орел и Тулу. Операция намечалась на 2 октября, но, как стало известно из архивных документов, Гудериан решил начать наступление на два дня раньше. При этом он руководствовался двумя соображениями: во-первых, длительная подготовка к операции сведет на нет внезапность удара; во-вторых, если он начнет действовать раньше, то ему будет обеспечена хорошая авиационная поддержка. Надо сказать, что последний довод действительно подтвердился. Прорыв Гудериана сопровождался мощным прикрытием с воздуха.

Первоначально командование Брянского фронта расценило удар Гудериана в районе Глухова как «отвлекающий» и полагало, что главный удар противник будет наносить на брянском направлении. Однако моторизованные колонны противника за два дня наступления пробили 60- и 15-километровые бреши в полосе обороны 13-й армии (командующий генерал А. М. Городнянский) и группы генерала А. Н. Ермакова и, продвинувшись почти на 100-километровую глубину, угрожали охватом всего левого крыла фронта. Правда, ослабленные части 13-й армии и группы Ермакова предприняли контрудар по флангам и тылам группы Гудериана в направлении хутора Михайловский, но это не изменило общего критического положения. Группа Гудериана частью сил устремилась на Карачев и Брянск, а другой частью – на Орел.

3 октября, на пятый день наступления, один из самых боеспособных корпусов Гудериана – 24-й моторизованный, пройдя с боями 250 километров, неожиданно – и для командования Брянского фронта, и для Орловского военного округа – ворвался в Орел.

Впоследствии командующий округом генерал-лейтенант А. А. Тюрин рассказал мне, что он находился в штабе на южной окраине города, когда совершенно неожиданно вбежал посыльный и сообщил ему, что в Орел с запада ворвались вражеские танки. Сам Гудериан пишет в

своих воспоминаниях: «Захват города произошел для противника настолько неожиданно, что, когда наши танки вступили в Орел, в городе еще ходили трамваи».

Все это привело к тому, что войска Брянского фронта оказались охваченными с флангов и тыла. Они были вынуждены с тяжелыми боями под непрерывным воздействием гитлеровской авиации выходить из окружения.

Таким образом, гитлеровские механизированные армады вырвались на дорогу, ведущую к Москве. «По мнению главного командования сухопутных войск, создавшаяся выгодная обстановка благоприятствовала дальнейшему развертыванию операции в направлении на Москву», – писал Гудериан. Путь врагу в столицу в первых числах октября по существу был открыт. В районе Орла создалось угрожающее положение. И это прекрасно понимали в Ставке Верховного Главнокомандования. Сюда срочно перебрасывались боевые соединения. В районе Мценска развертывалась группа войск (5-я и 6-я гвардейские стрелковые дивизии, 11-я танковая бригада, части 5-го воздушно-десантного корпуса, Тульского военного училища, 36-й мотоциклетный полк и полк пограничников). Эта группа была объединена в 1-й гвардейский стрелковый корпус, командиром которого назначили генерал-майора Д. Д. Лелюшенко. В состав этого корпуса вошла и наша 4-я танковая бригада.

На войне, как, впрочем, и в других сферах человеческой деятельности, фактор времени часто решает все. Сам Лелюшенко прибыл в Мценск 3 октября. А части его 1-го гвардейского корпуса еще находились в пути. 4-я танковая бригада оказалась первой прибывшей в Мценск воинской частью и по существу наиболее боеспособной. В ее состав входили танковый полк (примерно 49 боевых машин), которым командовал майор Еремин, мотострелковый батальон, зенитно-артиллерийский дивизион (16 орудий), транспортная, ремонтная роты и другие специальные подразделения. Вслед за нами под Орел прибыли 32-й пограничный полк полковника И. И. Пияшева, а также добровольческий батальон Тульской оружейной школы под командованием капитана В. И. Проняева. Остальные войска подошли несколько позже.

Поскольку враг стремительно наступал, и жизненно необходимо было немедленно остановить его продвижение на север, бригаде практически с ходу пришлось вступить в бой.

Итак, 2 октября я получил приказ Я. Н. Федоренко срочно погрузиться в эшелоны и двинуться в Мценск, а оттуда своим ходом на Орел. Нам ставилась задача – закрыть танковым колоннам Гудериана дорогу на Тулу.

Рано утром того же числа бригада погрузилась на станции Кубинка. Как водится, состоялся короткий митинг. Проводить нас на фронт приехал член Военного совета бронетанковых войск Красной Армии армейский комиссар 2 ранга Н. И. Бирюков. Он напомнил, что мы идем выполнять специальное задание И. В. Сталина, и что мы входим в гвардейский корпус, поэтому должны драться по-гвардейски.

Грузились в полной темноте, без какой-либо подсветки. Едва только экипажи закрепляли тросами последний танк на платформе, как железнодорожники давали сигнал к отправлению. На всем пути нам была открыта зеленая улица. Мчались на юг без задержки.

Мценск встретил холодным дождем и пронзительным ветром. На улицах уже кое-где торчали на пепелищах прокопченные трубы и зияли воронки – следы недавних бомбежек. Война, словно смерч, переворошила и разметала размеренный быт тихого городка, летом утопавшего в садах и зарослях бузины.

Выбравшись из привокзальной сутолоки, выехали с Кондратенко на Симферопольское шоссе. Со стороны Орла непрерывным потоком тянулись машины и подводы.

Остановили трехтонку с военными. Из кабины вышел высокий человек в мокрой шинели с петлицами генерал-лейтенанта. Познакомились. Оказалось, что передо мной командующий Орловским военным округом А. А. Тюрин. Вместе со своим штабом он направлялся в Мценск. Что происходит в Орле, каковы силы немцев, и где они сосредоточены – ни сам Тюрин, ни его штабисты толком сказать не могли. Твердо они знали только одно: город занят врагом.

Там наблюдается большое скопление танков и бронетранспортеров. Вероятнее всего, крупные механизированные силы неприятеля вот-вот двинутся на север.

Вернулся я в свой штабной автобус в большой тревоге. Решил, не дожидаясь прибытия остальных эшелонов бригады, выслать в район Орла разведку.

Уже заканчивалась разгрузка первого эшелона, когда на станции появился приземистый, широкоплечий человек в плащ-палатке и каске, с которой струилась вода.

– Чьи танки? – спросил он, подойдя к командиру батальона капитану В. Г. Гусеву.

Командир окинул незнакомца подозрительным взглядом.

– С кем имею дело? И как вы здесь оказались?

– Генерал Лелюшенко, – представился незнакомец. – Проведите меня к командиру.

Гусев привел командира корпуса в мой штабной автобус. Так мы познакомились с Дмитрием Даниловичем Лелюшенко. Тут же, в автобусе, провели первое совещание. Командира корпуса, как и меня, беспокоила полная неясность обстановки.

Я всегда придавал разведке первостепенное значение. Любые усилия, затраченные на выяснение действительных сил противника, всегда оправдывали себя. Поэтому на первом совещании с Лелюшенко мы решили прежде всего прощупать силы гитлеровцев в Орле и организовать оборону.

Утром 4 октября я отдал устный боевой приказ. Этим приказом комбату-1 капитану В. Гусеву и командиру роты средних танков старшему лейтенанту А. Бурде ставилась задача – двумя группами с десантом мотопехоты установить силы противника в Орле. Утром в Мценск прибыл батальон Тульского военного училища, и группе капитана Гусева была придана рота из этого батальона, а с группой старшего лейтенанта Бурды отправилась рота мотострелкового батальона нашей бригады.

В половине одиннадцатого 4 октября обе разведгруппы направились к Орлу.

Оставив в Мценске начальника штаба бригады П. В. Кульвинского руководить разгрузкой эшелонов, я отправился вслед за разведкой в сторону Орла. Нужно было срочно выбрать рубеж обороны. Рассчитывать, что нам удастся разгромить врага контратаками, даже организованными искуснейшим образом, не приходилось. У нас было слишком мало сил. Все, чем я располагал, – это два батальона: 46 танков, включая батальон танков БТ-7 со слабой броней и вооружением.

Хотя точных данных о силах противника в тот момент не было, я исходил из предположения, что враг располагает на нашем участке фронта многократным превосходством в танках, артиллерии и, безусловно, в авиации. Так оно и оказалось.

Вместе с начальником оперативного отделения Никитиным мы выбрали рубеж обороны на северном берегу реки Оптуха, неподалеку от села Ивановское. К вечеру сюда подтянулись все части бригады. Тщательно изучив местность, расставили засады таким образом, чтобы не дать противнику пройти по шоссе на Мценск. Всю ночь укрепляли рубеж обороны. Солдаты рыли окопы полного профиля, а на отдельных участках и ложные окопы.

Все это время меня беспокоила судьба разведывательных групп. Если от Гусева время от времени поступали сообщения, то Бурда как в воду канул. Наши попытки связаться с ним по радио ни к чему не привели. Бурда молчал. Неужели нарвался на засаду и погиб?

Все стало ясно, когда обе группы вернулись в расположение бригады. Что касается Гусева, то его 13 танков с сотней десантников вскоре подошли к селу Ивановское. Отсюда Гусев выслал в сторону Орла взвод средних танков младшего лейтенанта Г. Ф. Овчинникова. На окраине города взвод наткнулся на немецкую засаду. Немецкими снарядами на всех трех машинах были подожжены бачки с запасным топливом. Но, выведя танки из-под огня противника, экипажи не растерялись: сбросив запасные бачки на землю, они потушили огонь. К сожалению, при внимательном осмотре машин выяснилось, что в танке Овчинникова два верхних поддерживающих катка оказались разбитыми. Овчинников пересел в танк младшего

лейтенанта И. Н. Полянского, а ему приказал вести подбитую машину в ремонт. Танки Овчинникова и младшего лейтенанта И. Г. Дракина обошли засаду и ворвались на окраину Орла, после чего связь с ними была потеряна.

Помочь товарищам вызвался командир роты средних Панков старший лейтенант В. И. Раков. Это был рискованный шаг, поскольку система обороны противника была нам неизвестна. Но все же Ракову удалось прорваться через немецкие заслоны и, маскируясь в дыму горящего переулочка, ворваться в город. Волнуясь за судьбу подчиненных, Гусев направил им подмогу – два тяжелых танка КВ. Но и эти машины, прорвавшись в город, не давали о себе знать.

Оставшиеся танки капитан Гусев поставил в засаду по левую сторону шоссе. Обстановка складывалась неблагоприятная. Все попытки связаться с ушедшими экипажами оказались тщетными.

Ночь выдалась темная, дождливая. Тьму прорезало только зарево пожаров под Орлом, да изредка в разрывах облаков светила луна. И вдруг со стороны шоссе, идущего на Болохов, послышался лязг гусениц и шум моторов. Неужели это возвращаются разведчики? Осторожный Гусев все же дал команду: «Приготовиться к бою!». Экипажи замерли в напряженном ожидании. Танки были совсем близко. Свои или чужие? Вынырнувшая в этот момент из-за туч луна осветила местность, и Гусев с товарищами увидел десять быстро приближающихся машин. По силуэтам нетрудно было определить, что это танки противника.

– Огонь! – скомандовал Гусев, и на шоссе взметнулись взрывы. Над двумя танками сразу же запылало пламя. Немцы заметались по шоссе, а экипажи Гусева не прекращали огня, все время меняя позиции. Вспыхнули еще два танка, озаряя все вокруг багровым заревом. Остальные машины противника, отстреливаясь, скрылись во тьме.

И все же я был не удовлетворен действиями капитана Гусева. Практически он не смог добыть столь необходимые нам сведения о противнике. Я приказал комбату вернуться к селу Ивановское, где основными силами намерен был занять рубеж обороны.

Значительно успешнее действовал старший лейтенант Александр Бурда. Но прежде чем говорить о его разведке, хотелось бы несколько слов сказать об этом танкисте, ставшем потом одним из самых прославленных в бригаде.

Александр Федорович Бурда родился в семье донецкого шахтера. Рано потеряв отца (он погиб в гражданскую войну), Александр пошел в пастухи, затем выучился на электротехника и стал работать на шахте. Любовь к знаниям, к технике заставила его учиться. Он освоил профессии машиниста, слесаря-инструментальщика, потом механика. Не удивительно, что, будучи призванным в армию, он попал в танковую часть. За два года прошел путь от механика-водителя до командира учебного радиовзвода. Война застала его в Станиславе уже в должности командира линейной роты. В нашу бригаду А. Бурда пришел обстрелянным, получив первое боевое крещение в Винницкой области, где он, прикрывая отход 15-й танковой дивизии, разгромил немецкое танковое подразделение. К тому времени, когда он был зачислен к нам, на его боевом счету уже числилось восемь уничтоженных танков и четыре колесные машины противника. Спокойный, дружелюбный, с открытым широкоскулым лицом, Александр Бурда стал любимцем бригады.

Утром 4 октября, получив мой приказ, Бурда проявил себя опытным и находчивым командиром. Он продвигался к Орлу с исключительной осторожностью, выслав вперед хорошо проинструктированный разведдозор во главе с лейтенантом Ивченко. Благодаря этому его группе удалось незаметно для противника подойти к юго-восточной окраине Орла и замаскировать танки в зарослях орешника.

Неожиданно в орешнике объявился парнишка лет одиннадцати в драном ватнике и лихо надвинутой шапке.

– Что тебе здесь надо? – спросил его Бурда.

– Я предупредить вас пришел, дяденька, – быстро заговорил мальчонка. – Там у немцев две пушки. – И мальчик указал в сторону сарая, видневшегося у дороги в город.

Мальчика звали Гришей. Отец его ушел на фронт, а мать погибла во время бомбежки. Гриша искал своих: он хотел отомстить фашистам.

Бурда накормил парнишку и отправил его в тыл. Высланная вперед пешая разведгруппа во главе с заместителем политрука Евгением Багурским подтвердила сведения неожиданного помощника. Более того, она установила, что единственная дорога в город с юго-востока в районе завода № 9 и товарной станции охраняется дивизионом противотанковых орудий, тщательно замаскированных в сараях и стогах сена. Разведка Багурского установила также, что главные силы противника расположились вдоль шоссе, идущего на Мценск.

Бурда вполне резонно решил, что в этих условиях прорываться в город бессмысленно: напоровшись на засаду, можно потерять и людей, и машины. Теперь самое главное – не обнаружить себя. Бурда принял строжайшие меры маскировки и установил тщательное наблюдение за шоссе.

Ночь прошла спокойно, а серым, дождливым утром из Орла по направлению к Мценску выползла колонна немецких войск. Впереди грохотали бронетранспортеры с прицепленными противотанковыми орудиями. За ними ползли танки и опять бронетранспортеры с пехотой. Колонну замыкали три тяжелых танка. По подсчетам Бурды, по дороге двигалось до полка моторизованной пехоты.

Старший лейтенант выждал, когда колонна поравняется с засадой, и только тогда дал команду открыть огонь. Сначала разведчики били по танкам и бронетранспортерам. Сразу же вспыхнуло несколько машин. Другие, пытаясь повернуть назад, подставляли борта и сейчас же получали снаряд. Полетели в воздух колеса и обрывки гусениц.

Гитлеровцев охватила паника.

А в это время из засады выскочил взвод лейтенанта А. М. Кукаркина с десантом и принялся давить и расстреливать метавшихся вдоль дороги гитлеровцев. Заместитель политрука Багурский, стоя на танке Кукаркина, расстреливал бегущих фашистов сначала из винтовки, а потом из пистолета. Взгляд его упал на толстого офицера, который, шумно дыша, пытался удрать от танка. Багурский соскочил с брони и, прицелившись, выстрелил в фашиста. Тот упал. Обыскав труп, политрук обнаружил в кармане офицера важные документы, которые впоследствии оченьгодились нам. В них назывались номера частей, сосредоточенных в Орле.

Почти вся вражеская колонна была разгромлена. Правда, часть гитлеровцев попыталась скрыться в лощине. Но там они наткнулись на стоявший в засаде танк Петра Молчанова. И здесь враг понес тяжелые потери.

Как обычно в подобных случаях, гитлеровцы запросили помощи у своих летчиков. Но когда в воздухе появились девять «Юнкерсов», Бурда уже увел свою группу с места боя в лесочек неподалеку от села Кофаново. Сбросив свой груз на кустарники, в которых полчаса назад стояли танки Бурды, самолеты направились в сторону Орла. Но, благополучно уйдя от немецких пилотов, разведчики чуть было не стали жертвой своих. Перейдя в район Кофаново, группа по-прежнему оставалась в тылу противника. Неудивительно, что пилоты шестерки наших штурмовиков приняли танки Бурды за гитлеровские. Разостланное на траве полотнище, означавшее «мы свои», охладило пыл летчиков. Они приветливо помахали крыльями и ушли.

Проведя день в лесу, группа ночью по проселочным дорогам совершила марш и присоединилась к нам в районе села Первый Воин. Из беседы с Александром Бурдой и его комиссаром Александром Степановичем Загудаевым выяснилось, что их молчание, доставившее нам столько волнений, объяснялось очень просто. С самого начала рейда у них из строя вышла рация.

Результаты разведки Бурды подняли настроение всего личного состава бригады. Боевой счет группы был внушительным: 10 средних и легких танков, 2 тягача с противотанковыми орудиями, 5 автомашин с пехотой, 2 ручных пулемета и до 90 гитлеровцев.

Учеба в лагере не прошла даром. Она приносила свои плоды.

Но особую ценность представляли пленные, а также трофейные документы. Они помогли установить, что перед нами находится 24-й моторизованный корпус Гудериана в составе двух танковых и одной моторизованной дивизий. Пленные показали также, что с запада, из района Болохова, стремясь выйти нам в тыл, движется еще одна танковая дивизия. Вся эта лавина бронированных машин, артиллерии и мотопехоты имела целью развить успех вдоль шоссе Орел – Мценск – Тула и выйти к Москве с южного направления.

Теперь позволю себе пояснить читателю, не сведущему в военных вопросах, что такое немецкие танковые и моторизованные дивизии тех времен. Ибо само понятие «дивизия» – растяжимое.

Готовясь к походу на Восток, Гитлер создал довольно мощные бронированные силы. Каждая полностью укомплектованная танковая дивизия состояла из танковой и мотопехотной бригад, моторизованного артиллерийского полка и дивизиона противотанковых орудий. В дивизии насчитывалось до 566 танков, из них 180 средних. Они имели легкую броню и слабое вооружение, но зато обладали быстроходностью и маневренностью.

Что касается моторизованной дивизии, то она состояла из двух моторизованных полков, одного моторизованного артиллерийского полка, дивизиона противотанковых орудий. По штатному расписанию ей полагалось 14 тысяч солдат и офицеров, 37 бронемашин, 1473 мотоцикла, 1353 грузовика.

Следует, правда, уточнить, что к осени сорок первого ударная мощь гитлеровских танковых соединений резко упала. Ожесточенное сопротивление нашей армии, меткий огонь советских артиллеристов и бронебойщиков нанес дивизиям врага огромный урон. Парк их машин сократился. Тысячи танков остались лежать на русских полях грудой бесформенного металла. В октябре сорок первого немецкая танковая дивизия уже состояла только из одного танкового полка, одной мотобригады, моторизованного артиллерийского полка, дивизиона противотанковых орудий и специальных частей. Количество танков сократилось до 209.

Я привел эту статистику, чтобы дать хотя бы общее представление о тех крупных силах противника, которым нам предстояло преградить путь на Москву. Допустим, что все дивизии в Орле и на подходе к нему понесли серьезные потери, и все-таки, по самым заниженным подсчетам, нам противостояло 350 танков, сотни орудий и до 20–25 тысяч мотопехоты, вооруженной автоматическим оружием.

Напомню, что вся эта бронированная армада поддерживалась мощной авиацией. Как ни грозен сам по себе танк, но он может добиться успеха только при тесном взаимодействии с другими родами войск, и прежде всего с артиллерией и авиацией.

Надо ли говорить, что в те октябрьские дни, приняв все эти соображения в расчет, я отнюдь не чувствовал себя спокойным. В то время у нас еще были отдельные командиры, которые считали, что сражение можно выиграть на одном героизме солдата, на безапелляционном, зачастую нереальном приказе «волевого командира». Я не принадлежал к их числу. Как ни важен героизм воина, силе может противостоять только военное искусство – этот драгоценный сплав знаний, опыта и изобретательности.

К октябрю сорок первого я уже достаточно изучил приемы наступления немцев. Обычно в боях на Украине гитлеровцы бросали против нас массы танков, которым предшествовало появление мотоциклов и автоматчиков. Вслед за мотоциклистами и автоматчиками шли в небольшом количестве легкие танки. Иногда, если мотоциклисты и автоматчики не появлялись, танки несли на себе десант пехоты. Попадая под наш обстрел, фашисты спешили,

рассредоточивались и, открывая беспорядочный огонь, пытались создать видимость действий крупных сил.

Если этот прием не удавался, и легкие танки наталкивались на стойкое сопротивление, то через некоторое время немцы бросали против нас средние и тяжелые танки, ведущие за собой пехоту. Танки, имея, как правило, на прицепе противотанковые пушки, заскакивали на фланги – за стога, дома, в высокую рожь – и, отцепив пушки, вели огонь по нашим войскам. Описанный прием особенно часто применялся, когда немцы ожидали контратаку наших танков.

Высылая вперед небольшие группы танков, немцы пытались отвлечь внимание наших боевых машин и артиллерийских средств от своих главных сил. Выбрасывая вперед противотанковые орудия, они стремились уничтожить наши зазевавшиеся танки, которые увлекались борьбой с отдельными прорвавшимися машинами противника.

Немецкие наступающие танковые части, как правило, сопровождаются «кривой ногой» – так называли наши бойцы немецкий разведывательный самолет «хеншель», который корректировал огонь артиллерии и маршруты автоматчиков и танков, пытавшихся проскочить через наше боевое охранение.

Если это противнику удавалось, то он продолжал двигаться вперед, ракетами (обычно зелеными и голубыми) давая знать своей артиллерии и авиации о своем местонахождении.

На сей раз немцы действовали иначе. Но расскажу все по порядку.

В ночь на 5 октября 4-я танковая бригада заняла оборону на широком фронте по берегу реки Оптуха, в пяти километрах северо-восточнее Орла. Впереди, оседлав шоссе Москва-Орел, расположился мотострелковый батальон под командованием капитана Д. А. Кочеткова, а танковый батальон стоял в засаде во втором эшелоне на опушке рощи южнее села Казнау-сево. В резерве я оставил один танковый взвод.

Учитывая, что соседи бригады еще не заняли свои позиции, для прикрытия флангов выделил несколько танков с десантом.

Ночь прошла сравнительно спокойно. На КП поступали донесения о мелких стычках разведывательных групп с обеих сторон.

Больше всего меня беспокоили правый фланг и тыл бригады, упиравшиеся в Болоховское шоссе. С этого направления я ждал атаки свежей дивизии Гудериана. Ее неожиданное появление могло поставить бригаду в тяжелейшее положение. Поэтому здесь нужно было организовать тщательную разведку.

Но с самого утра зарядил мелкий, по-осеннему затяжной дождь. Проселочные дороги превратились в сплошное месиво. Разведгруппам на мотоциклах по ним не пробраться. Пришлось просить лошадей в окрестных селах и выслать конные дозоры.

Часам к десяти дождь прекратился, небо расчистилось. И вдруг ударили немецкие орудия, а в воздухе появились гитлеровские самолеты. После 15-минутной артиллерийской и авиационной подготовки со стороны Орла в низине перед линией нашей обороны появились танки с крестами на броне. За ними виднелась темная россыпь мотопехоты.

Танки ползли медленно, неуклюже переваливаясь на кочках с боку на бок. Гитлеровцы, видимо, не знали системы нашего огня и двигались осторожно. Мы с Кульвинским насчитали примерно 40 танков, множество бронемашин и бронетранспортеров. По спине пробежал неприятный холодок. Как поведут себя мои танкисты и артиллеристы? Не дрогнут ли перед этой армадой?

Но вот напряженную тишину разорвал первый выстрел, затем второй, третий. В гуще танков врага взметнулась в воздух земля. Это открыли огонь малокалиберные пушки мотострелкового батальона.

Атака противника застала меня на переднем крае. Пригнувшись, бегу на КП, оборудованный в трех щелях. Рядом со мной оказались двое связистов, тянувших провод. Кого из нас заметили гитлеровские артиллеристы – не пойму. Но только снаряды ложатся все ближе и

ближе. Кинулся на обочину, прижался к земле и в ту же секунду увидел, как двое связистов упали – снаряд разорвался рядом с ними. Кустарниками добрался до КП и почувствовал, что, несмотря на холодный, промозглый ветер, с меня ручьями льет пот.

На КП начальник оперативного отдела М. Т. Никитин надрыгается в трубку полевого телефона, пытаясь перекричать грохот орудий.

– Что?! Что там у вас?! Громче – не слышу! – Через минуту он опускает трубку и обращается ко мне, – Товарищ полковник, противник подавил батареи мотострелкового батальона.

В бинокль с командного пункта поле боя просматривалось хорошо. Видно было, как танки противника ворвались на позиции батальона и, стреляя, утюжили его окопы. Несколько машин горели, окутанные пламенем и шлейфом черного дыма.

Наступили критические минуты... Прорвав нашу оборону, танки противника могут выйти нам в тыл, и тогда...

Даю команду по радио ввести в бой танковые засады. В бинокль вижу, как из-за пригорка выскочило несколько тридцатьчетверок. Сверкает пламя выстрелов. Одна за одной, словно наткнувшись на невидимую преграду, застывают гитлеровские машины. А юркие, стремительные тридцатьчетверки выскакивают и выскакивают из-за стогов сена, из-за сараев, из-за кустарников, делают несколько выстрелов и так же стремительно меняют позиции.

Грохот стоял невообразимый. Неумолчно трещали пулеметы и автоматы, хлопали винтовки. Цепи гитлеровских автоматчиков залегли.

В такие напряженные минуты время словно спрессовывается. Три часа длилась эта вражеская атака. А мне показалось, что прошло всего несколько минут.

Мне доложили, что мотострелковый батальон понес существенные потери. Но и танки противника, остановленные засадами, не смогли продвинуться сколько-нибудь существенно вперед. Под Казнаушевом гитлеровцев удалось остановить.

В тот же день гитлеровцы предприняли еще несколько атак, но так и не сумели прорвать нашу оборону. Вечером, когда была отбита последняя атака, мы подвели итоги первого боя: гитлеровцы потеряли 18 танков, 8 орудий и несколько сотен солдат и офицеров.

«При неудаче наступления или в том случае, когда на успех его рассчитывать нельзя, целесообразно оторваться от противника и снова организовать наступление в другом месте», – говорилось в одной из директив гитлеровского командования.

Согласно этой директиве и поступил на сей раз Гудериан. Получив отпор на главном направлении, он двинул часть сил на Болохов и Новосиль, оставив на мценском направлении значительные силы. В связи с этим нашей бригаде пришлось занять новый рубеж. На сей раз, оседлав шоссе Орел-Мценск, мы заняли оборону в районе Нарышкино – Первый Воин.

Новые позиции давали нам преимущества перед врагом. С высоток открывался хороший обзор местности в южном направлении, откуда мы ожидали подхода новых колонн противника. Кустарник, стога сена, небольшие рощи закрывали наш район от наблюдения противника и позволяли маскировать танки и орудия.

Мотострелковый батальон занял оборону вблизи шоссе на дороге. Танки я поставил в засаду в роще юго-западнее Первого Воина. Шесть засад организовали на позициях мотострелков. Левый фланг прикрыли тремя машинами и взводом мотопехоты, а за правый фланг отвечал сосед. Комкор усилил бригаду дивизионом противотанковой артиллерии.

Рано утром 6 октября, когда я находился на командном пункте, поступило донесение от дозоров, что со стороны Орла движется крупная колонна танков и мотопехоты противника. Прочитав донесение, нанес на карту данные о движении колонны и отправился на опушку рощицы, где стоял в засаде 1-й батальон под командованием майора А. А. Рафтопулло.

Об этом замечательном танкисте мне хочется сказать особо. Невысокого роста, проворный в движениях, Анатолий Анатольевич обладал завидной храбростью. За его плечами был

опыт боев на советско-финляндском фронте. Об этих днях его боевой биографии напоминал орден Красного Знамени. Летом сорок первого он воевал на Украине, и воевал умело: семь танков под его командованием два дня удерживали железнодорожный узел. Воспитанник трудовой колонии, он с детства любил технику, мечтал стать летчиком, но судьба решила иначе – он попал в танковые войска.

И вот, стоя на опушке леса, мы наблюдали, как до 100 танков с противотанковой артиллерией лавиной двигались на боевые позиции бригады. Ползли бронетранспортеры с пехотой. Стрекотали мотоциклы с автоматчиками.

Гитлеровцы открыли ураганный огонь по позициям мотострелкового батальона и противотанкового дивизиона.

Подавив наши орудия, танки ворвались в наше расположение и начали утюжить окопы мотострелков.

На помощь пехотинцам я выслал группу из четырех танков под командованием старшего лейтенанта Лавриненко. Тридцатьчетверки выскочили из лесу наперерез танкам противника и открыли ураганный огонь. Гитлеровцы никак не ожидали появления танков. Они рассчитывали на безнаказанность. Со своего НП я видел, как вспыхнуло несколько машин противника, как остальные остановились и затем, огрызаясь огнем, в замешательстве попятились. Танки Лавриненко исчезли так же внезапно, как и появились, но через несколько минут показались левее, из-за пригорка. И снова из их пушек сверкнуло пламя. За несколько стремительных атак 15 гитлеровских машин остались на поле боя, охваченные оранжевыми языками пламени.

Прорыв ликвидирован.

Солдаты мотострелкового батальона стали собираться вокруг своих танков. Получив приказ на отход, Лавриненко посадил раненых на броню и вернулся на место засады – на опушку леса.

Немцы пытались прорвать нашу оборону и на других участках, но, натываясь на танковые засады, вынуждены были отступить. Однако противник не успокоился. Из донесений разведки я знал, что справа от шоссе Орел-Мценск сосредоточились группа до 200 вражеских танков и большое количество мотопехоты. Ясно, что противник готовит новую атаку. Но сумеем ли мы ее отразить?

Сгущались ранние осенние сумерки. Артиллеристы противника продолжали обстреливать наши позиции. Небо прочерчивали светящиеся трассы снарядов. Тягачи вытаскивали с поля боя поврежденные танки. Скрипели повозки с ранеными. Ревели застрявшие в грязи машины с боеприпасами.

Неожиданно на КП появился мой порученец и доложил, что меня разыскивает капитан Чумак.

– Кто такой? – удивился я.

– Говорит, от генерала Лелюшенко.

Передо мной предстал рослый смуглолицый артиллерист в походной накидке и заляпанных грязью сапогах.

– Командир дивизиона гвардейских минометов, – скороговоркой выпалил он. – Приказано подбросить на вашем участке огоньку. К вашим услугам, товарищ полковник. – И капитан лихо козырнул.

Мне еще тогда не приходилось видеть в действии новое оружие, но о его огромной разрушительной силе я уже слышал. Рассказывали, что немцев оно приводило в панику. И неудивительно: от одного залпа РС все горело вокруг на сотни квадратных метров. Такого оружия военная техника еще не знала.

– Мне приказано дать один залп, – сказал Чумак, кратко охарактеризовав боевые данные установки.

– Почему так мало? – вырвалось у меня.

– Не волнуйтесь, – усмехнулся капитан. – И этого хватит. Только вот что: нужно предупредить людей на переднем крае. Грохот поднимется страшный. Может возникнуть паника. Танкисты за броней, глядишь, и не услышат, а вот пехота...

Я приказал Кульвинскому принять необходимые меры, и в окопы были отправлены посыльные.

Чумак между тем попросил, чтобы ему точно указали границы района сосредоточения противника. Я расстелил карту и очертил контуры лощины, где противник накапливал силы.

Когда с группой офицеров штаба мы подошли к установкам, то были разочарованы их видом. Они вовсе не производили грозного впечатления. Обыкновенные грузовики, только ряды стальных рельсов упирались в небо.

– Подождите, – предупредил капитан, услышав наши замечания, – вот увидите, как «играет», тогда поймете, что это такое.

Установки вывели на позиции. Мы укрылись в щели. Капитан Чумак подал команду. Ослепительные космы пламени прочертили ночное небо, осветив все вокруг голубоватым пламенем. Воздух прорезал пронзительный свист. Земля задрожала, как от раскатов грома.

Когда несколько минут спустя мы вылезли из щели, то увидели внизу, в лощине, пляшущие языки огня. С каждой секундой пламя ширилось, разливалось, и вскоре перед нами бушевало огненное море. Пораженные невиданным зрелищем, мы стояли не в силах произнести ни слова. И не сразу до нашего сознания дошло, что снизу доносится гул сотен моторов. Потом мы услышали взрывы – это рвались машины с боеприпасами. Я взглянул в бинокль – там в языках пламени металась тень.

Но вот оцепенение прошло, и среди командиров поднялось радостное возбуждение. Многие просто не знали, как выразить свой восторг. Капитана Чумака дружески хлопали по спине, пожимали ему руку. А он, довольный произведенным эффектом, только улыбался. Многим казалось, что новое оружие вызовет коренной перелом в войне.

Примерно через час, когда пламя над лощиной стало гаснуть, выслали разведку. В низине дымились десятки танков, грузовиков, тягачей, мотоциклов; валялось много обгоревших трупов. Залп Чумака оказался точным.

Поздно ночью мы подвели итог дня. Главное – нам удалось отбросить гудериановцев на исходные позиции, и с большими потерями. Они недосчитались 43 танков, 16 противотанковых орудий, 6 автомашин и до 500 солдат и офицеров. У нас же сгорело на поле боя только два танка. Четыре подбитых удалось вернуть в строй. Серьезные потери в людях понес мотострелковый батальон.

И все же противник по-прежнему превосходил нас в силах. Поэтому рассчитывать мы могли только на танковые засады, целиком оправдавшие себя в минувших боях. Но повторять приемы на тех же позициях было нецелесообразно. Противник теперь хорошо знал местность и расположение наших сил. Поэтому в ночь на 7 октября мы отошли на новый оборонительный рубеж Ильково – Головлево – Шеино.

Непрерывные бои, бессонные ночи, слякоть и холод вконец вымотали людей. Бойцы падали от усталости. А тут еще этот мокрый снег: шинели, комбинезоны промокли насквозь, а обсохнуть негде и некогда.

Но все мы понимали, что впереди тяжелые бои. Поэтому снова рылись окопы и траншеи, снова устраивались засады. В короткие часы между атаками были проведены партийные и комсомольские собрания. Комиссар Бойко, начальник политотдела Деревянкин, комиссары батальонов Загудаев и Лакомов беседовали с людьми. Они разъясняли, что, сосредоточив под Орлом огромные силы, Гитлер намерен прорваться к Москве. Наша задача – не пропустить гитлеровцев к столице. Политработники ежедневно выпускали на ротаторе боевой листок. В нем последняя сводка Совинформбюро, рассказы о наиболее отличившихся. Должен особо подчеркнуть, что мы старались говорить бойцам только правду о нашем положении, как бы

горька она ни была. Ничто так не действует на моральное состояние бойца, как сладенькая полуправда, которая потом трещит по швам под напором реальных фактов. Мы старались воспитывать своих воинов так, чтобы они понимали: победа или поражение – это не результат указаний свыше. Это твоя победа, твое поражение.

Но именно в те дни был особенно большой приток в партию. Партийные собрания тех дней были короткими и волнующими. Люди подавали заявления, зная, что, возможно, через несколько часов они не вернутся с поля боя. Реальный вклад в победу, в общее дело – вот что было главным критерием при приеме в партию.

Рано утром 7 октября на мой КП приехал Д. Д. Лелюшенко. Он сообщил, что Ставка осведомлена о действиях бригады и оценивает их высоко. Кроме того, он порадовал еще одной вестью: бригаде передается полк пограничников под командованием полковника И. И. Пияшева. Я приказал командиру одного из батальонов пограничников майору Дрожденко оседлать шоссе Орел – Мценск на рубеже Головлево – Ивлево. Слева от него окопался еще один батальон Тульского военного училища под командованием Проняева. Артиллерийские подразделения разместились за боевыми порядками пехоты. На направлениях возможного появления противника организовал танковые засады кинжального действия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.